

1124
с 595 ур
П15

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА

и

Адресъ-Календарь

УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

на 1899 годъ.

Издание Уральского Областного Статистического Комитета.

Саратовъ. Паровая скоропечатня Губернскаго Правленія. 1899.

Ср. 96799
66796

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПУТЕВОГО ДНЕВНИКА *).

Вечера въ степи.—Содержаніе киргизскихъ пѣсень.—Любовныя пѣсни.—Мелодія.—Танцы.—Бытовые пѣсни.—Пѣсня о женщинѣ.—Историческія преданія.—„Краткая исторія киргизскаго народа“.

По вечерамъ работа моя носила совершенно иной характеръ, чѣмъ днемъ.

Если днемъ я старался бесѣдовать преимущественно съ отдѣльными киргизами, изучая ихъ хозяйство и, гдѣ можно, подвергая это послѣднее подробному цифровому учету **), то вечеромъ эта кропотливая и сильно утомлявшая моихъ собесѣдниковъ работа замѣнялась оживленными групповыми бесѣдами на темы о киргизскихъ обычаяхъ и старинѣ. Бесѣды эти не имѣли какого либо опредѣленнаго плана: въ зависимости отъ состава собравшагося общества и личныхъ особенностей моихъ вечернихъ собесѣдниковъ, я направлялъ разговоръ на ту или иную тему. Гдѣ случайно находились пѣвцы или музыканты, въ программу вечера вносились вокально-музыкальные номера; гдѣ были почтенные старики, рѣчь шла о киргизскихъ преданіяхъ, памятникахъ, а то даже попросту рассказывались сказки.

Вечера эти были очень полезны для меня въ смыслѣ уразумѣнія различныхъ сторонъ *современнаго* быта Уральскихъ киргизовъ, но въ малой степени оправдали мои надежды въ смыслѣ собранія болѣе или менѣе цѣннаго *историческаго* матеріала.

Киргизъ всецѣло живетъ настоящимъ днемъ. Мало заботясь о будущемъ, онъ довольно равнодушно относится и къ своему прошедшему. Онъ любитъ пѣть, но темы для пѣсень онъ черпаетъ главнымъ образомъ изъ міра, который въ данный моментъ развертывается передъ нимъ.

Помню, какъ я смутился на одномъ изъ такихъ вечеровъ, въ числѣ присутствовавшихъ на которомъ оказался первый изъ услышанныхъ мною пѣвцовъ. Я просилъ спѣть мнѣ какуюнибудь былинку о киргизскихъ „батырахъ“. Киргизъ запѣлъ. Закрывая глаза и по

*) Изъ моей поѣздки въ степь лѣтомъ 1897 г. со статистическими порученіями.

**) Итоги этой работы см. мой докладъ Статистическому Комитету: „Степное киргизское хозяйство въ Уральскомъ уѣздѣ“. Памятная Книжка Уральской области на 1898 годъ“ (стр. 87—129).

временамъ размахивая передъ своимъ ртомъ чайнымъ блюдечкомъ *), онъ долго пѣлъ сильнымъ пріятнымъ теноромъ какую-то длинную тягучую мелодію, изрѣдка прерываемую рѣзкими вибрирующими звуками. Слушатели въ тактъ покачивали головами, то и дѣло бросая на меня почему-то сочувственные взгляды. Но вотъ пѣсня кончена. Я приготовилъ уже тетрадку, чтобы заставить пѣвца еще разъ повторить слова пѣсни и съ помощью переводчика записать буквальный переводъ повѣсти о воспѣтомъ только что славномъ киргизскомъ батырѣ, но съ первыхъ-же словъ переводчика неожиданно узнаю, что батырь этотъ—никто иной, какъ я самъ. Пѣвецъ воспѣвалъ драгоценный шелковый халатъ, въ который превратила его пылкая фантазія мою дорожную куртку изъ простой и дешевой матеріи; онъ воспѣвалъ мое богатство, мой знатный родъ, силу, умъ и красоту. Онъ не пожалѣлъ красокъ, чтобы облить меня самыми яркими лучами киргизской поэзіи. Я, разумѣется, быть очень польщенъ, но въ то-же время никакъ не могъ скрыть и своего разочарованія тѣмъ болѣе, что пѣвецъ, охрипнувшій отъ продолжительнаго воспѣванія моихъ многочисленныхъ достоинствъ, отказался въ этотъ вечеръ спѣть что нибудь иное, болѣе цѣнное для меня.

Впослѣдствіи я много слышалъ пѣсень и иного содержанія, но большинство изъ нихъ носило все тотъ-же характеръ импровизаций по поводу тѣхъ или иныхъ явленій, предметовъ и лицъ изъ окружающаго міра.

Любовныя пѣсни мало чѣмъ отличаются отъ этихъ импровизаций, такъ какъ сравненія, употребляемыя въ нихъ, довольно однообразны и берутся исключительно изъ окружающаго міра. Для образца привожу одну изъ записанныхъ мною на эту тему:

„Зубы твои, какъ изумрудъ. Твое нѣжное, бѣлое тѣло напоминаетъ осенній снѣгъ. Слова твои полны краснорѣчія. Приказывай,— для тебя я готовъ на все. Милая! когда я думаю о тебѣ по ночамъ, вся постель моя переполняется водою слезъ моихъ. Ты мила и дорога мнѣ, какъ самые драгоценные брилліанты. Я помню, ты когда-то угощала меня, и угощеніе твое казалось мнѣ райскимъ“ **).

*) Это дѣлается для усиленія вибраціи звука. Пѣвцы, аккомпанирующіе себя на домбрѣ, подносятъ къ своему рту въ извѣстныхъ случаяхъ эту послѣднюю; обыкновенно-же пользуются для этой цѣли блюдечкомъ, миской, шапкой, а то просто рукой.

**) Подъ этимъ стихотвореніемъ въ моей записной тетради я нахожу такое замѣчаніе: „отъ этого первобытнаго матеріализма, съ особенной рельефностью высказаннаго въ послѣдней фразѣ, меня тошнитъ. Чѣмъ угощала она его? Разумѣется, вареной бараниной, и что-же можетъ быть тутъ *райскаго*?“ Теперь, когда послѣ моей побѣдки въ степь прошелъ цѣлый годъ, мнѣ самому кажется эта замѣтка курьезной, и если я привожу ее здѣсь, то для того лишь, чтобы отмѣтить, какъ трудно изслѣдователю „чужой“ жизни дать безпристрастный отзывъ о ней.

Мотивы киргизскихъ пѣсень мелодичны, но тягучи и мало разнообразны. Пріятная, красивая мелодія часто неожиданно прерывается рѣзкими криками, которые грубо поражаютъ непривычный слухъ. Такими криками въ большинствѣ случаевъ начинаются киргизскія пѣсни. Когда я прислушивался къ нимъ, мнѣ не одинъ разъ напрашивалось сравненіе ея съ настроеніемъ, которое долженъ испытывать путешественникъ въ степи на верблюдѣ.

Безконечная, широкая степь, какъ-то особенно ласкающая взоръ своимъ, если можно такъ выразиться, живописнымъ однообразіемъ. Убаюкивающе покачиваетъ васъ прославленный „корабль“ пустыни и степи — верблюдъ. Вы погружаетесь въ сладкую дремоту, которая вдругъ, неожиданно, нарушается рѣзкимъ, противнымъ крикомъ верблюда. Вы вздрагиваете; васъ на мгновение охватываетъ непріятное чувство, но скоро тѣ-же картины, тѣ-же правильныя, волнообразныя движенія степного животного снова успокаиваютъ и убаюкиваютъ васъ.

Веселыхъ, „залихватскихъ“ мотивовъ, которые такъ близки душѣ русскаго человѣка, киргизская пѣсня не знаетъ. Точно также не знаетъ киргизъ ни плясовой пѣсни, ни танцевъ. Киргизъ ѣздитъ верхомъ, джигитуетъ, борется и вполнѣ удовлетворяется этими движеніями. На всемъ громадномъ протяженіи своей поѣздки я только разъ видѣлъ танцующаго киргиза. Его мнѣ показали, его нарочно привели на одинъ изъ вечеровъ, но онъ не сразу согласился протанцевать. Его надо было уговаривать, и когда онъ началъ танцевать, я готовъ былъ упрашивать его прекратить танецъ; только любопытство удержало меня. Танецъ состоялъ изъ какихъ-то грубыхъ, даже цинически-грубыхъ движеній. Танцоръ потомъ мнѣ объяснилъ, что перенялъ онъ эти танцы отъ калмыковъ и что движенія эти должны изображать извѣстные моменты изъ жизни животныхъ.

Пѣсень бытового характера привелось мнѣ услышать не мало, но на этотъ разъ я приведу здѣсь только одну, обладающую, на мой взглядъ, крупными, выдающимися достоинствами. Пѣсня эта посвящена киргизской женщинѣ. Въ безыскусственной, но въ то-же время поэтической формѣ, безъ лишннихъ фразъ, здѣсь въ немногихъ словахъ дана полная картина жизни киргизской женщины, жизни, распадающейся обыкновенно на двѣ рѣзко различныя между собою части, — до и послѣ замужества. Но и помимо этого несомнѣнно цѣннаго *содержанія*, пѣсня заинтересовала меня своимъ *тономъ*, въ которомъ замѣтно чувствуется новое гуманитарное направленіе въ настроеніи киргизскаго населенія. Пѣсня очевидно недавняго происхожденія. Занесена она изъ Тургайской области, но я видѣлъ несомнѣнныя доказательства того, что и уральскій киргизъ съ удовольствіемъ слу-

шаетъ эту пѣсню, что и въ немъ она пробуждаетъ настроеніе, какое хотѣлъ внушить своимъ слушателямъ сложившій ее киргизскій пѣвецъ.

Вотъ эта пѣсня:

„Вмѣсто того, чтобы сидѣть здѣсь безъ дѣла, сложа руки, я расскажу вамъ лучше о жизни киргизской дѣвушки.

Ни о чемъ не заботясь и ни въ чемъ не нуждаясь, живетъ дѣвица у своего отца.

Родители любятъ и холятъ ее ничуть не меньше, чѣмъ сына, и взаимно ея не согласятся взять какогонибудь мурзу *).

Въ нѣгѣ и холѣ воспитываютъ родители своихъ дочерей, и нѣкоторыя изъ нихъ живутъ гораздо лучше любого джигита.

Родители въ равной степени дѣлятъ любовь свою между сыномъ и дочерью, потому что и тотъ, и другая—ихъ собственныя дѣти.

Малюткой родители сватаютъ уже дочь свою—таковъ обычай старины.

И когда настаетъ время выдавать ее замужъ, къ ней ежедневно прѣзжаетъ ея женихъ.

Сами родители не прочь поскорѣе сыграть свадьбу,—имъ хочется собственными глазами взглянуть на новую жизнь молодыхъ.

И вотъ дѣвица, безопасно жившая подъ родительскимъ кровомъ, начинаетъ прощаться съ родными и плакать.

Она ѣздитъ по ауламъ, навѣщая родныхъ, и трудно бываетъ даже постороннему человѣку удержаться отъ слезъ, слушая прощальную пѣсню дѣвушки.

Сильно горюетъ дѣвица, но разлука съ роднымъ ауломъ неизбежна.

Окруженная вниманіемъ и почетомъ покидаетъ она родной аулъ.

Въ аулѣ жениха ее встрѣчаютъ словами: „вотъ ѣдетъ молодая“, и здѣсь дѣвушка начинаетъ называться женщиной.

Молодая!—говорятъ ей женщины изъ аула жениха:—мы желаемъ посмотреть на твое лице **).

Къ ней пристають чужія ей женщины и дѣти, кривляются и смѣются надъ ней, безпрестанно повторяя: „молодая“!

Прошло то время, когда она могла-бы прогнать ихъ отъ себя!

Чуждая всѣмъ, она не знаетъ, кто изъ окружающихъ ее новыхъ лицъ принадлежитъ къ почетнымъ лицамъ аула, а кто нѣтъ, и одинаково смущается передъ каждымъ изъ нихъ.

*) Мурза—значить щедрый, гостепріимный; этимъ именемъ называютъ молодыхъ сыновей богатыхъ, „почетныхъ“ киргизовъ.

**) Лице невесты по обычаю прикрыто.

Вся смѣлость ея осталась въ родномъ аулѣ, и трудно приходится бѣдняжкѣ, особенно первое время, пока она не свыкнется со всѣми. Да и можетъ-ли, впрочемъ, что-нибудь замѣнить ей родной аулъ?

Когда уѣдетъ мать ¹⁾, ей на голову надѣвають жаулыкъ ²⁾, и несчастная остается совершенно одна въ чужомъ, незнакомомъ аулѣ.

Какъ дитя неразумное, она будетъ теперь слушаться всѣхъ и каждаго. Всякая грязная старуха готова давать ей теперь наставленія, воображая, что въ сравненіи съ бѣдной молодухой она очень умна.

Какъ жеребенокъ-иноходецъ, въ холѣ и нѣгѣ росла дома дѣвица. Шалопай, которые раньше не осмѣливались-бы подойти къ ней, теперь не даютъ покоя своими грубыми шутками ³⁾.

Избалованная, выхваленная, какъ перо холина, она молча выслушиваетъ вольныя рѣчи и плачетъ, вспоминая о родномъ аулѣ.

Наконецъ, потерявъ терпѣніе, она беретъ веревку и мѣшокъ и подѣ благовиднымъ предлогомъ желанія поработать ⁴⁾, уходитъ далеко въ степь, за аулъ, гдѣ никто не помѣшаетъ ей выплакаться вволю.

Дома никто не стѣснялъ ее:—она могла сидѣть тамъ на почетномъ мѣстѣ ⁵⁾, которое предоставляется тѣре ⁶⁾, теперь она должна довольствоваться мѣстомъ у порога ⁷⁾.

Какъ лебедь, плавающая по озеру, она привыкла къ свободѣ; но теперь ничего подобнаго нѣтъ, и даже пища теряетъ для нея вкусъ.

Пока она не освоится съ новой жизнію, на нее будутъ клеветать; про нее станутъ распускать сплетни, если она проспится утромъ и не успѣетъ во время развести огонь или раскрыть тундукъ ⁸⁾.

Дома она спала вволю; теперь ей надо подниматься на разсвѣтѣ, надѣвать фартухъ и изъ свѣжаго навоза руками заготавливать топливо.

Она должна доить коровъ, варить молоко, и нѣтъ ей покоя до тѣхъ поръ, пока не уляжется весь аулъ.

¹⁾ Молодую въ аулъ жениха сопровождаетъ обыкновенно мать, тетка или какая-нибудь пожилая родственница.

²⁾ Жаулыкъ—бѣлый платокъ, головной уборъ женщины, въ отличіе отъ цвѣтныхъ (красныхъ) платковъ, которые носятъ дѣвушки.

³⁾ Первое время послѣ свадьбы къ молодой женщинѣ имѣютъ право обращаться съ циничными шутками и насмѣшками холостые родственники ея мужа, въ отсутствіи, впрочемъ, этого послѣдняго.

⁴⁾ Рѣчь идетъ объ обязанности женщины собирать въ степи пометъ для топлива.

⁵⁾ Почетнымъ мѣстомъ въ кибиткѣ считается у киргизовъ мѣсто противъ двери—тѣрь.

⁶⁾ Тѣре—султанъ, чиновникъ.

⁷⁾ Молодая женщина въ кибиткѣ родителей своего мужа не смѣетъ переступить дальше передней половины кибитки, примыкающей къ двери.

⁸⁾ Тундукъ—верхняя кошма у кибитки.

Она должна усиленно выказывать себя исправной, и чернѣютъ теперь и трескаются ея бѣлыя, нѣжныя руки.

Проходятъ года. Она превращается въ зрѣлую женщину. На рукахъ ея все хозяйство: она прядетъ, вьетъ веревки и въ заботахъ о потомствѣ берегаетъ и копить частицами, каждая изъ которыхъ величиною не болѣе ногтя на пальцѣ.

Такова, дѣвица, жизнь твоя! Пользуйся-же годами, которые ты проводишь въ аулѣ своихъ родителей! Веселись и рѣзвись, какъ быстрый заяцъ, и знай, что скоро наступитъ время, когда жизни твоей не позавидуетъ самый плохой жеребенокъ“.

Съ историческими преданіями, повторяю, дѣло шло туго. Разумѣется, извѣстную долю этой неудачи надо приписать моей неподготовленности къ такого рода изслѣдованіямъ, кратковременности моего пребыванія въ степи и тому, наконецъ, что и это короткое время (1 мѣсяцъ) я отдавалъ главнымъ образомъ изученію экономическихъ условій жизни современнаго киргиза. Во всякомъ случаѣ я ждалъ отъ своихъ разспросовъ большаго. Я думалъ, что киргизъ, въ ничтожной еще сравнительно степени обремененный заботами о завтрашнемъ днѣ, хранить и лелѣть въ памяти своей рассказы дѣдовъ о днѣ вчерашнемъ. Мнѣ казалось, что достаточно хоть немного расшевелить полусоннаго киргиза, чтобы записная тетрадь моя немедленно-же наполнилась интересными сказаніями о давно минувшей киргизской старинѣ. Разочарованіе наступило скоро. Съ первыхъ-же вечеровъ мнѣ пришлось убѣдиться, что я, только наскоро успѣвшій прочитать передъ этимъ нѣсколько сочиненій на интересующую меня тему, уже ясно вижу всю путаницу, какую время внесло въ воспоминанія киргизскихъ стариковъ, и даже поправляю ихъ и болѣе или менѣе успѣшно доказываю имъ ихъ ошибки. Для иллюстраціи выписываю изъ своего путевого дневника замѣтку объ одномъ изъ первыхъ „историческихъ вечеровъ“, на который собралось много почтенныхъ стариковъ. Рѣчь шла о происхожденіи семиродцевъ, къ которымъ принадлежитъ, за ничтожными исключеніями, все киргизское населеніе Уральскаго уѣзда. Безпрестанно и, кстати сказать, въ весьма существенныхъ пунктахъ, перебывая и поправляя другъ друга, старики рассказывали мнѣ длинную исторію, изъ которой въ концѣ концовъ оказалось, что семиродцы происходятъ отъ одного отца, котораго звали Джейтуру и который, въ свою очередь, былъ сыномъ Каргза, отчего, молъ, „мы всѣ и называемся киргизами“. Ясно было, что свое незнаніе исторіи старики скрашивали тѣмъ, что въ затруднительныхъ случаяхъ отыски-

вали, такъ сказать, незаконнаго отца въ качествѣ законной причины непонятныхъ для нихъ явленій. Отъ кого происходятъ семипродцы—джейтру (*джейти*—семь, *ру*—родъ)?—Ясное дѣло, отъ отца „Джейтру“. —Почему семипродцы, джейтру, вмѣстѣ съ другими киргизскими родами называются киргизами?—Опять таки „очевидно“, что родоначальникъ ихъ назывался „Каргзъ“.

Точно такія-же упрощенныя объясненія приходилось мнѣ не одинъ разъ слышать и по интересному вопросу о происхожденіи той или иной тамги. Почему тамга кирдеринцевъ (родъ, населяющій Караабинскую, Джуванышъ-Кульскую и Урюкъ-Тукульскую волости) имѣетъ такое начертаніе —о?—А потому, что когда этотъ-же злополучный „Джейтру“ передъ смертью назначалъ тамги своимъ сыновьямъ, онъ захотѣлъ пить. Одинъ изъ его семи сыновей, Кирдеръ, принесъ отцу воды въ ковшѣ, и Джейтру, напившись и возвращая ковшъ сыну, сказалъ:—„вотъ твоя тамга“.

Большую цѣнность, какъ съ исторической, такъ и съ художественной стороны, представляютъ рассказы и пѣсни киргизовъ изъ временъ борьбы ихъ съ калмыками и башкирцами. Свѣдѣніями изъ этого періода своей жизни киргизы дѣлятся охотно, но каждый разъ, приступая къ разспросамъ о болѣе отдаленныхъ временахъ, я замѣчалъ на ихъ лицахъ выраженіе неудовольствія. Очевидно, здѣсь имъ приходилось напрягать память, производить извѣстную умственную работу, что не могло не нарушать въ ихъ глазахъ прелести легкой, непринужденной вечерней бесѣды.

Бывали, впрочемъ, и исключенія, когда и эти кропотливыя археологическія раскопки въ умственной сокровищницѣ стариковъ принимали оживленный характеръ, затягиваясь до глубокой ночи.

Вотъ одинъ такой случай.

Одинъ киргизъ, кажется, мулла по профессіи, сталъ излагать совершенно новую для меня теорію о происхожденіи киргизской народности отъ Магомета. Я нашелъ въ его рассказѣ нѣсколько противорѣчащихъ другъ другу указаній и, пользуясь ими, сталъ опровергать теорію. Завязался горячій споръ. Наконецъ, замѣтивъ, вѣроятно, что аргументація его мало убѣждаетъ меня, мой взволнованный оппонентъ вскочилъ, заявивши, что сейчасъ онъ приведетъ ко мнѣ въ кибитку такого человѣка, который сразу прекратитъ споръ. Дѣйствительно, „такой человѣкъ“ вскорѣ явился. Важенъ былъ, однако, не человѣкъ, а рукопись, которую онъ принесъ съ собой. Порыжѣвшая отъ времени, но достаточно чистая, очевидно, сберегавшаяся со всякой осторожностью, рукопись эта, въ размѣрѣ листа писчей бумаги,ложена вчетверо въ форму тетрадки. 6 страницъ изъ 8 четко и

аккуратно исписаны татарскими буквами; бумага толстая, плотная и полосатая, какую можно встрѣтить въ рукописяхъ 30-хъ и 40-хъ годовъ. Фабричнаго клейма на бумагѣ нѣтъ. Откуда и какъ попала эта рукопись въ руки собственника ея, онъ точно сказать не могъ, но предполагаетъ, что она привезена изъ Бухары. Рукопись медленно и торжественно тутъ-же прочитали вслухъ, пересыпая чтеніе многочисленными комментаріями. Комментаріи по содержанію были довольно разнообразны, но главнымъ образомъ заключали въ себѣ побѣдоносныя ликованія по поводу того, что вотъ-де я, „ученый челоувѣкъ“, разбить теперь въ чухъ и прахъ ученымъ трактатомъ, авторитетъ котораго не можетъ подлежать ни сомнѣніямъ, ни критикѣ.

Рукопись эта меня заинтересовала, и я упросилъ одолжить ее мнѣ, обѣщавъ по пріѣздѣ въ Уральскъ выслать ее собственнику. Къ несчастью, я, грѣшнымъ дѣломъ, затерялъ гдѣ-то адресъ владѣльца, такъ что этотъ ученый трактатъ и сейчасъ еще находится у меня.

По этому интересному документу киргизы ведутъ свое происхожденіе отъ курда Анеса¹⁾, который былъ современникомъ Магомета.

„Сынъ Анеса—Джабикъ; сынъ Джабика—Мгазъ; сынъ Мгаза—Саниль; сынъ Саниля—Курай; сынъ Курая—Лауманъ; сынъ Лаумана—Алашъ²⁾; сыновья Алаша—Сулейменъ и Джайлханъ. Отъ Сулеймена происходятъ 8 отдѣленій туркменовъ; сынъ Джайлхана—Маики;³⁾ сыновья Маики—Узбекъ и Джіанъ. Узбекъ женился на сартской дѣвицѣ и остался жить въ городѣ, а Джіанъ жилъ въ степи, почему и киргизы остались въ степи. Сынъ Джіана—Аиркалпакъ; сыновья Аиркалпака—*Казаъ* и Сазакъ; сынъ Сазака—Каракалпакъ; сыновья Казака—Акъ-арысъ, Джанъ-арысъ и Бекъ-арысъ; сынъ Акъ-арыса—Улу-жузъ;⁴⁾ сынъ Джанъ-арыса—Орта-жузъ;⁵⁾ сынъ Бекъ-арыса—Кши-жузъ⁶⁾; сынъ Кши-жуза—Алшинъ; сынъ Алшина—Ляубаядиръ; сынъ Ляубаядира—Кудуаръ; сыновья Кудуара—Садыркожа⁷⁾, Кидыркожа и Надыркожа; сынъ Садыркожи—Каракесекъ⁸⁾; сыновья Кидыр-

1) Анесъ, какъ мнѣ пояснилъ старикъ киргизъ, сынъ курда Малиса, остался сиротой и 17-ти лѣтъ отданъ былъ въ услуженіе Магомету. Так. обр. по этому источнику исторія киргизскаго народа начинается съ VI в. по Р. Хр. (Магометъ родился въ 569 г.).

2) „Алашъ!“—военный крикъ у киргизовъ: алаши—сибирскіе татары.

3) Маики былъ бѣгомъ у Чингизъ-хана.

4) Улу-жузъ въ буквальному переводѣ значить Большая сотня (орда).

5) Орта-жузъ—Средняя сотня (орда).

6) Кши-жузъ—Малая орда—уральскіе киргизы.

7) Садыръ—встрѣчается въ видѣ названія одного рода Найманскаго поколѣнія въ Средней ордѣ.

8) Каракесекъ встрѣчается въ видѣ названія рода Алимскаго поколѣнія Малой орды.

кожи—Бахта-сынъ и Султанъ-сынъ; 1) сыновья Надыркожи—Тама, Табынъ, Кирдери, Керейтъ, Телеу, Джагалбайлы, Рамоданъ“.

Имена семи сыновей Надыркожи представляютъ названія семи родовъ поколѣнія Джейтру (семиродцевъ) Малой орды. Очевидно, поэтому, что вся вышеприведенная генеологическая таблица составлена специально для семиродцевъ, хотя, какъ видно изъ примѣчаній 7-го и 8-го, при перечисленіи потомковъ Кудуара дѣлается попытка свести всю Малую орду къ одному общему родоначальнику, для чего и упомянуто по одному изъ родовъ поколѣній Байли и Алимъ.

Киргизы, передавшіе мнѣ эту рукопись и затѣмъ читавшіе ее вслухъ на одномъ изъ нашихъ „историческихъ вечеровъ“, относятся къ этой рукописи съ полнымъ и даже благоговѣйнымъ довѣріемъ. Оно и понятно: ихъ память сохранила слишкомъ мало воспоминаній объ отдаленныхъ предкахъ, и тѣ обрывки, которые удерживаются въ памяти отдѣльныхъ стариковъ, такъ жалки и такъ разнорѣчивы, что рукопись, облекшая эти обрывки въ стройную, цѣлесообразную систему, представляется имъ настоящимъ кладомъ. Для насъ, однако, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что эта „краткая исторія“ киргизскаго народа, какъ торжественно называли ее мнѣ киргизы, грѣшитъ большими промахами и составлена съ очевидной, неприкрашенной тенденціей. Тенденція эта обнаруживается уже съ первой строчки „исторіи“, которая начинается родословную киргиза съ Анеса, *бывшаго въ услуженіи у Магомета*.

Вотъ въ чемъ соль „исторіи“: она даетъ понятъ киргизамъ, что они состоятъ въ близкой, родственной, такъ сказать, связи со всѣмъ правовѣрнымъ міромъ. Къ числу грубыхъ промаховъ „исторіи“ надо отнести то обстоятельство, что Уду-жузъ, Орта-жузъ и Кши-жузъ названы въ ней дѣтьми (сыновьями) соответствующихъ отцовъ, тогда какъ извѣстно, что слово „жузъ“ въ ближайшемъ переводѣ значитъ „сотня“, и такъ именно называются по киргизски тѣ группы киргизскаго народа, которыя мы знаемъ подъ именами Большой, Средней и Малой орды. По преданію, которое передаетъ Левшинъ 2), „одинъ изъ сильныхъ хановъ Казанскихъ раздѣлилъ весь свой народъ между тремя сыновьями... и удѣлъ старшаго названъ *Большою ордой*; удѣлъ второго—*Среднею*, а удѣлъ младшаго—*Меньшею*“. Когда-же и какимъ образомъ произошло это дѣленіе, „къ сожалѣнію, замѣчаетъ Левшинъ,

1) Кроме того въ устныхъ бесѣдахъ мнѣ называли еще третьяго сына Кыдыр-кожи—Кадырсика. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что имя Бахта (Байбахта) встрѣчается въ видъ названія рода Байлиискаго поколѣнія Малой орды.

2) „Описаніе киргизъ-кайсацкихъ орды и степей“, соч. А. Левшина. Ч. II. С.-Петербургъ. 1832 г. (стр. 65).

происшествіе сіе остается для насъ тайною; мы не имѣемъ никакихъ источниковъ для опредѣленія онаго“¹⁾.

Не смотря однако на тенденціозность и промахи приведеннаго здѣсь документа, за нимъ нельзя не признать извѣстную цѣнность. Не говоря о томъ, что право на наше вниманіе онъ представляетъ уже потому только, что онъ существуетъ и имѣетъ своихъ читателей и почитателей, документъ этотъ интересенъ, какъ сжатый конспектъ цѣлаго ряда киргизскихъ преданій, отдѣльные обрывки которыхъ встрѣчаются въ разныхъ этнографическихъ сборникахъ и въ киргизскихъ пѣсняхъ. Лицо, составлявшее этотъ историческій конспектъ, обладало, повидимому, богатымъ знаніемъ народныхъ сказаній, и потому неудивительно, что онъ (конспектъ) импонируетъ киргизу, желающему ознакомиться съ исторіей своего народа.

Интересна еще одна сторона этого документа.

Какъ извѣстно, вопросъ о происхожденіи киргизскаго народа не можетъ еще считаться окончательно рѣшеннымъ. Наболѣе вѣроятно, что киргизы или, какъ они сами называютъ себя—казаки („кхзаки“) представляютъ продуктъ смѣси различныхъ народностей, какъ монгольской, такъ и кавказской расъ.

По преданіямъ, сообщаемымъ Палласомъ и Левшинимъ, киргизы сами считаютъ себя пришельцами изъ самыхъ разнообразныхъ странъ: изъ Крыма, Туркестана, съ береговъ Волги и Евфрата, со стороны племенъ туркестанскихъ, тюркскихъ и монгольскихъ. Исторія передаетъ о враждѣ, царившей между отдѣльными родами киргизскими, враждѣ, сильно напоминающей племенную. Самыя названія родовъ, по свидѣтельству В. В. Радлова, говорятъ о томъ, что киргизы образовались изъ различныхъ народовъ. Этнологическія и антропологическія изслѣдованія заставляютъ цѣлый рядъ другихъ писателей²⁾ видѣть въ варьирующемъ типѣ киргизъ смѣсь разнородныхъ племенныхъ элементовъ.

Намъ историческій документъ даетъ такія-же показанія. Начиная съ *курда* Анеса, передъ вами въ этомъ перечнѣ именъ проходятъ *алаши* (сибирскіе татары), *туркмены*, *сарты*, *узбеки*, *каракалтаки*. Всѣ они сплелись между собой въ вѣтви одного генеалогическаго дерева, чтобы на крайней вершинѣ его дать отпрыскъ киргизовъ семиродцевъ, которымъ и въ самомъ дѣлѣ среди другихъ киргизскихъ поколѣній приписывается наиболѣе позднее происхожденіе³⁾.

Вл. Краникфельдъ.

¹⁾ По преданію, которое я слышалъ въ степи отъ киргизовъ, раздѣленіе на три орды произведено было Чингисъ-ханомъ, который, образовавъ изъ подвластныхъ ему киргизовъ три полка, поставилъ надъ каждымъ изъ нихъ особыхъ военачальниковъ.

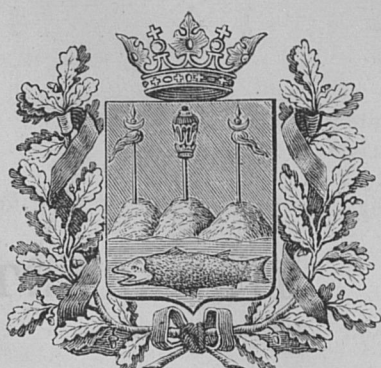
²⁾ Красовскій, Мейеръ, Ибрагимовъ, Пираліевъ, Харузинъ.

³⁾ См. XXVI кн. „Этногр. Обзоръ.“ „Къ вопросу о происхожденіи киргизскаго народа“ А. Н. Харузинъ (стр. 86).

595 ур
П15а

с595ур
П15-а

86397.
ср.

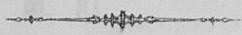
ПАМЯТНАЯ КНИЖКА

И

АДРЕСЪ-КАЛЕНДАРЬ УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

на 1897 годъ.

Издание Уральского Областного Статистического Комитета.

САРАТОВЪ.

Паровая скоропечатня Губернского Правления.

1897.

Составъ киргизскаго населенія въ шести волостяхъ Темирскаго уѣзда.

Пользуясь любезнымъ разрѣшеніемъ Темирскаго уѣзднаго врача Бориса Осиповича Соркина, редакція помѣщаетъ здѣсь въ извлеченіи отчетъ автора: „Итоги систематическаго оспопрививанія, произведеннаго въ теченіи зимнихъ мѣсяцевъ 1895⁵/₆ г. (съ 15 ноября 1895 г. по 15 марта 1896 г.) среди киргизскаго населенія шести постоянныхъ, т.-е. невыемывающихъ на зиму изъ предѣловъ уѣзда волостей“.

Слѣдующія выдержки изъ отчета г. Соркина даютъ представленіе о происхожденіи и способахъ собиранія статистическихъ данныхъ по Темирскому уѣзду:

„Полный успѣхъ перваго опыта систематическаго оспопрививанія среди киргизскаго населенія Калмакъ-Кырганской волости—пишетъ г. Соркинъ—произведеннаго въ теченіе мѣсяца съ 15 ноября по 15 декабря прошлаго 1895 г., достигнутый исключительно благодаря довѣрчивому отношенію къ этому дѣлу самихъ киргизъ и поддержкѣ со стороны администраціи, притомъ безъ всякой борьбы или какихъ-либо принудительныхъ мѣръ, вселилъ во мнѣ увѣренность въ легкой осуществимости этого дѣла и въ болѣе широкихъ размѣрахъ, т.-е. на протяженіи всего уѣзда, точнѣе—на протяженіи 6 волостей, зимующихъ на опредѣленныхъ мѣстахъ въ предѣлахъ уѣзда (прочія 8 волостей въ полномъ составѣ зимуютъ внѣ уѣзда, главнымъ образомъ, въ Хивинскихъ предѣлахъ, и прикочевываютъ въ Темирскій уѣздъ лишь на лѣтніе мѣсяцы). Въ этихъ видахъ я, въ началѣ января, увеличилъ число киргизъ-оспопрививателей до 9 (въ Калмакъ-Кырганской волости работало 8 человекъ) и поручилъ каждому по *два* аула, распредѣливъ ихъ такимъ образомъ одновременно по *двумъ* волостямъ, именно Темиръ-Уркачской и Эмбо-Темирской. Дѣло велось каждымъ оспопрививателемъ такимъ образомъ: окончивъ перепись населенія и прививки въ одномъ изъ двухъ ввѣренныхъ ему ауловъ (на что требовалось дней 7—10), онъ переѣзжалъ въ другой аулъ и затѣмъ, окончивъ эту-же работу и во второмъ аулѣ, возвращался вторично въ первый аулъ для повѣрки результатовъ сдѣланныхъ прививокъ и, наконецъ, для той-же цѣли во второй аулъ, чѣмъ дѣятельность его въ порученной волости и заканчивалась. Планъ этотъ, не смотря на всю трудность его выполненія, особенно въ виду чрезвычайныхъ снѣговъ и бурановъ прошлой зимы, осуществился съ полнымъ успѣхомъ въ обѣихъ волостяхъ въ началѣ февраля, т.-е. въ теченіе всего одного мѣсяца, послѣ чего всѣ оспопрививатели вернулись ко мнѣ въ Темиръ со списками по этимъ двумъ волостямъ. Такимъ образомъ, дѣло это въ первой половинѣ февраля было закончено въ трехъ волостяхъ. Оставались необслѣдованными еще три волости: Эмбенская, Кумды-Уиль-

ская и Джиделе-Сагизская, а, между тѣмъ, времени въ моемъ распоряженіи оставалось немного, менѣе 1½ мѣсяца, такъ какъ во второй половинѣ марта киргизы обыкновенно оставляютъ землянки и начинаютъ кочевую жизнь. Ясно было, что въ половинѣ марта придется и мнѣ, и оспопрививателямъ приостановить свои дѣйствія до осени. Не рѣшаясь дѣйствовать на проломъ, я лишь объяснилъ оспопрививателямъ всю желательность окончанія работъ къ половинѣ марта, насколько это, конечно, возможно, и предоставилъ имъ свободно и откровенно высказаться по этому поводу. Поощряемые успѣхомъ доведеннаго уже до половины дѣла, оспопрививатели, не задумываясь, объявили, что во чтобы то ни стало, доведутъ дѣло до конца ко времени выкочеванія киргизъ изъ зимовокъ. Въ виду этого, я пригласилъ еще десятаго оспопрививателя и тотчасъ распредѣлил ихъ всѣхъ по тремъ волостямъ, такъ что на долю каждого досталось *по три аула*. Къ искренней моей радости и изумленію, они съ успѣхомъ выполнили столь смѣло взятое ими на себя, притомъ добровольно, огромное дѣло и въ двадцатыхъ числахъ марта у меня, такимъ образомъ, очутились на рукахъ списки и по этимъ тремъ волостямъ. Цифры, въ которыхъ выразилась ихъ кратковременная, но по истинѣ блестящая дѣятельность, слишкомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ объ ихъ добросовѣстности и массѣ положеннаго труда, чтобъ можно было къ нимъ что-нибудь прибавить. Контрольные осмотры, произведенные мною (1005 осмотровъ) и частью уѣзднымъ фельдшеромъ (300 осмотровъ) съ цѣлью провѣрить записи оспопрививателей, безусловно подтвердили правильность этихъ записей и строгую добросовѣстность оспопрививателей, въ пользу чего съ несомнѣнностью свидѣтельствуетъ и слѣдующее соображеніе: выведенная мною изъ доставленнаго ими обширнаго матеріала, средняя цифра населенія 1000 кибит.—4964 челов.—весьма близко подходитъ къ общепринятой нормѣ 5 душъ на кибитку (семейство).

Собранныя оспопрививателями со всею добросовѣстностью и заботливо разработанныя мною свѣдѣнія о киргизскомъ населеніи цѣлаго обширнаго раіона (свыше 7000 семействъ и болѣе 35000 человѣкъ) несомнѣнно представляютъ серьезный статистическій матеріаль, тѣмъ болѣе цѣнный, что самый способъ собиранія его оспопрививателями, исключительно въ цѣляхъ оспопрививанія, обезпечиваетъ его отъ всякихъ утаекъ, умысленныхъ извращеній и проч. Въ самомъ дѣлѣ спрашивая, напримѣръ, киргизку о лѣтахъ, о томъ, чья она жена и проч., онъ и самъ того не подозрѣвая и не возбуждая ни въ комъ ни малѣйшей подозрительности, создаетъ сырой, но за то безупречный статистическій матеріаль, изъ котораго уже не трудно почерпнуть все, что угодно, напримѣръ, число *раннихъ* браковъ (до 15 лѣтъ), число многоженцевъ (двоеженцевъ, троюженцевъ), притомъ строго распредѣленное по возрастнымъ группамъ, отношеніе половъ между собою

въ каждомъ возрастѣ, значительно меньшую продолжительность жизни киргизокъ сравнительно съ киргизами (въ дѣтскомъ возрастѣ число тѣхъ и другихъ одинаково, съ 20-ти-лѣтняго-же возраста число женщинъ постепенно убываетъ, и свыше 70 лѣтъ почти вдвое меньше числа мужчинъ), значительно болѣе раннее вступленіе въ бракъ женщинъ и проч. и проч.“

Всѣ эти интересныя статистическія данныя, собранныя и разработанныя г. Сорокинымъ, сгруппированы въ нижеслѣдующихъ шести таблицахъ:

Таблица № 2-й.

Тысяча человѣкъ (обоого пола) каждой рубрики распредѣляется по возрастамъ

Л Ъ Т А.	Не обо- значено.	0—9.	10—19.	20—29.	30—39.	40—49.	50—59.	60—69.	70 и выше.
Зарегистрировано . 1000 ч.	9	278	204	187	112	100	59	32	19
Не осмотрѣно . . . 1000 „	23	290	150	206	112	90	59	40	30
Изъ нихъ:									
Отсутствуютъ . . . 1000 „	58	36	210	285	160	127	80	33	11
Младенцы до 1/2 г. 1000 „	—	1000	—	—	—	—	—	—	—
Беременные 1000 „	10	—	190	489	228	81	2	—	—
Больные 1000 „	8	355	137	116	73	93	80	73	65
Осмотрѣно 1000 „	3	274	224	180	113	104	59	28	15

Таблица № 3-й.

Тысяча человѣкъ (обоого пола) cadaго возраста распредѣляется по рубрикамъ:

Л Ъ Т А.	Не обо- значено.	0—9.	10—19.	20—29.	30—39.	40—49.	50—59.	60—69.	70 и выше.
Зарегистрировано	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000
Не осмотрѣно	675	268	189	282	258	232	257	330	413

Л Б Т А.	Не обозначено.	0—9.	10—19.	20—29.	30—39.	40—49.	50—59.	60—69.	70 и выше.
Изъ нихъ:									
Отсутствуютъ	535	10	84	123	116	104	110	84	46
Младенцы до 1/2 г.	—	122	—	—	—	—	—	—	—
Беременные	41	—	33	93	73	29	1	—	—
Больные.	99	136	72	66	69	99	146	246	367
Осмотрѣно	325	732	811	718	742	768	743	670	587

Таблица № 4.

Распределение населения по поламъ.

		Л	Б	Т	А.	Не обозна- чено	0—9.	10—19.	20—29.	30—39.	40—49.	50—59.	60—69.	70 и выше.
а) Распределение общего числа мужчин и общего числа женщин по возрастамъ.		35317	ч.	{	18974 м. 16343 ж.	206 108	4991 4829	3625 3568	3552 3061	2259 1713	2024 1520	1179 896	708 407	430 241
б) Распределение тысячи мужчин и тысячи женщин по возрастамъ.				{	1000 м. 1000 ж.	11 7	263 296	191 218	187 187	119 104	107 93	62 55	37 25	23 15
в) Распределение тысячи человекъ каждого возраста по поламъ. .		На 1000	ч.	{	537 м. 463 ж.	656 344	508 492	504 496	537 463	568 432	571 429	568 432	635 365	641 359

Таблица № 5-й.

Семейное положеніе (въ томъ числѣ и многоженство) по возрастамъ:

Л Б Т А.	Всего.	Необозначено.	0—9.	10—19.	20—29.	30—39.	40—49.	50—59.	60—69.	70 и выше.
Мужчинъ всего.	18974	206	4991	3625	3552	2259	2024	1179	708	430
Холостыхъ	11222	116	4990	3430	2108	388	103	47	24	16

Л Ъ Т А.		Всего.	Не обо- значено.	0—9.	10—19.	20—29.	30—39.	40—49.	50—59.	60—69.	70 и выше.
Женатыхъ	одножен.	6829	75	1	192	1402	1726	1703	939	523	268
	двоежен.	411	5	—	2	18	82	130	107	45	22
	троежен.	14	—	—	—	—	1	5	6	1	1
Вдовцовъ		498	10	—	1	24	62	83	80	115	123
Женщинъ всего . . .		16343	108	4829	3568	3061	1713	1520	896	407	241
Дѣвицъ		7222	16	4818	2307	81	—	—	—	—	—
Замужнихъ.		7693	68	111241	2912	1530	1197	528	162	44	
Вдовъ	одноженцевъ	1366	24	—	19	61	173	307	356	233	193
	двоеженцевъ	56	—	—	1	6	9	16	11	9	4
	троеженцевъ	6	—	—	—	1	1	—	1	3	—

Таблица № 6-й.

Ранніе браки (до 15 лѣтъ).

Л Ъ Т А.	6 л.	7 л.	8 л.	9 л.	10 л.	11 л.	12 л.	13 л.	14 л.	15 л.
Женатыхъ 35	1	—	—	—	2	2	5	9	6	10
Замужнихъ 251	3	2	3	3	15	8	33	35	75	74
Всего 286	4	2	3	3	17	10	38	44	81	84
12					274					

Населеніе каждой данной мѣстности, въ отношеніи распредѣленія возрастовъ, представляетъ особенности, зависящія, главнымъ образомъ, отъ рождаемости, съ одной стороны, и долголѣтности населенія съ другой. Возрастной составъ постоянного населенія мужского и женскаго пола въ шести

волостяхъ Темирскаго уѣзда, въ абсолютныхъ и относительныхъ числахъ, характеризуется слѣдующей таблицей:

В о з р а с т ъ.	Абсолютныя числа.	% пониженія сравнит. съ съ предшествующей группой.
0—9	4798 мужчинъ. 4658 женщинъ.	—
10—19	3483 — 3449 —	23,5 25,9
20—29	3411 — 2952 —	2,1 14,5
30—39	2167 — 1635 —	36,4 44,6
40—49	1938 — 1464 —	10,6 10,4
50—59	1120 — 846 —	41,7 42,2
60—69	679 — 385 —	39,3 54,5
70 и выше.	414 — 234 —	39,0 39,2

Какъ видно изъ этой таблицы, каждая послѣдующая группа меньше своей предыдущей. Убываніе мужскихъ повозрастныхъ группъ колеблется между 2,1% и 41,7%; убываніе женскихъ группъ идетъ болѣе усиленнымъ темпомъ и колеблется между 10,4% и 54,5%. Наиболѣе устойчивыми какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ являются возрасты отъ 10—19 и отъ 30—39 лѣтъ. Устойчивость мужской группы отъ 10—19 лѣтъ, сравнительно другими возрастами, представляется ненормально высокой*), и объяснить ее, также какъ и другія аномаліи въ составѣ киргизскаго населенія, обрисованныя вышеприведенными таблицами, должны дальнѣйшія статистическія изслѣдованія въ области.

*) Проценты убыли группъ предыдущей (23,5%) и послѣдующей (36,4%) показываютъ, что жизнь человѣка въ киргизской степи поставлена въ менѣе благоприятныя условія, чѣмъ жизнь европейскаго населенія, у котораго убыль тѣхъ-же возрастныхъ группъ въ процентахъ выражается числами: 17 и 18 (см. «Сравнит. Статист. Населенія», проф. Янсона. Спб., 1892, стр. 88), а, между тѣмъ, самый меньшій процентъ убыли населенія въ Европѣ для такихъ-же (десятилѣтнихъ) группъ—15% далеко превосходитъ цифру 2,1, составляющую процентъ убыли возраста отъ 10—19 лѣтъ въ Темирскомъ уѣздѣ.

Число лицъ въ возрастахъ производительныхъ, т.-е. отъ 20 до 59 лѣтъ включительно, составляетъ въ Темирскомъ уѣздѣ почти 49%, что ставитъ киргизское населеніе данной мѣстности въ весьма выгодныя условія въ смыслѣ продуктивности его труда.

Мужчинъ среди зарегистрированныхъ киргизъ значительно больше, чѣмъ женщинъ (на 1,000 человекъ обоого пола приходится 537 мужчинъ и 463 женщины)—это явленіе общее всѣмъ странамъ, находящимся на низкой ступени экономического и культурнаго развитія.

Въ таблицѣ № 5 обращаетъ вниманіе, во 1-хъ) полное отсутствіе дѣвицъ въ возрастѣ свыше 30 лѣтъ и во 2-хъ) громадное преобладаніе вдовъ (1426) надъ вдовцами (498). Это послѣднее явленіе, находящееся въ видимомъ противорѣчій съ отмѣченнымъ выше фактомъ большей убыли (смертности) возрастныхъ женскихъ группъ, чѣмъ мужскихъ, объясняется тѣмъ, что вдовцы имѣютъ значительно больше шансовъ вступить во второй бракъ, чѣмъ вдовы.

Наконецъ, слишкомъ ранніе браки въ таблицѣ № 6 объясняются обычаемъ, по которому овдовѣвшая женщина переходитъ къ брату умершаго, хотя-бы онъ былъ еще малолѣтнимъ; точно также, если дѣвочка, засватанная за киргиза, лишилась родителей, семейство жениха (иногда тоже еще мальчика) даетъ ей у себя пріютъ, и она входитъ въ эту семью на правахъ и положеніи жены.